

Метаморфозы Минского антифашистского подполья

Валерий НАДТАЧАЕВ,
военный историк

Военный совет партизанского движения попал под удар немецких спецслужб в марте 1942 года. Это событие, как и поиск причин, приведших к разгрому, на долгие годы стали предметом дискуссий и исследований среди подпольщиков, сотрудников органов госбезопасности, историков и писателей. В основе версии, выдвинутой подпольщиками, лежало обвинение в отсутствии конспирации и предательстве руководителей ВСПД. В послевоенные годы эту же версию считали основной и военные историки, ссылаясь на некие письменные свидетельства, оставленные в 1942 году членом Минского горкома В.К. Никифоровым. Впоследствии эти и другие документы были открыты для исследователей. Речь идет не о какой-то докладной записке Никифорова, а о проекте документа «Организационные принципы и структура подпольной организации» и приложениях № 1 и № 2 к нему. Непосредственно о причинах провала написано в приложении № 1 под названием «Некоторые выводы и предложения». Прочитируем их в части, касающейся Военного совета.

«Провал всего руководящего ядра партизанской организации военного совета требует от нас вдумчивого и всестороннего разбора причин, которые довели до такого положения.

ОБ АВТОРЕ

НАДТАЧАЕВ Валерий Николаевич.

Родился в 1959 году. Окончил Минское суворовское военное училище (1977) и Ульяновское гвардейское высшее военное танковое командное училище (1981).

С 1981 года проходил службу в должностях командира взвода, командира роты в Средне-Азиатском военном округе Вооруженных Сил Советского Союза. С 1985 года – на различных должностях в органах КГБ СССР, затем – Комитета государственной безопасности Беларуси. Последняя занимаемая должность – начальник центра информации и общественных связей КГБ Республики Беларусь.

Полковник запаса.

Автор книги «Военная контрразведка Беларуси. Судьбы, трагедии, победы...» (2008), соавтор сборника очерков об истории КГБ Беларуси «Щит и меч Отечества» (2006).

Продолжение. Начало в № 8 за 2013 год

Бесспорно, что врагу удалось пролезть внутрь руководства и при помощи своих агентов-provokatorov нанести сокрушительный удар, ликвидируя самые ценные для нас парткадры.

Но видеть причину провала только в провокации означало бы принять результат за причину, ибо тот факт, что provokatory могли пролезть в руководство и главное – могли знать абсолютно все для того, чтобы все ликвидировать, свидетельствует о нездоровом состоянии всего руководства, об ошибках, допущенных в самом начале создания подпольной партизанской организации.

Ошибки эти являются двоякого рода:

1. Отсутствие продуманной, вполне соответствующей условиям войны и подполья, организационной структуры. То, что существовало до провала, не может быть иначе характеризовано, как случайный подбор людей в результате личного знакомства того или иного активиста. Люди были взяты вне среды их действия – отсюда и такое явление, как отсутствие партизанской организации в важнейших, с точки зрения военного значения, предприятиях и учреждениях. Люди были оторваны от массовой среды, что делало их больше похожими на заговорщиков, чем на пролетарских революционеров-большевиков. В результате получилось, что единицы тянули на себя все, делали то, что могли и должны были делать более обширный круг товарищей, отсюда и получилось, что если провалился один человек, это потянуло за собой провал всего, с чем он был связан.

2. Отсутствие элементарнейших правил конспирации. Создавалось такое положение, что мы конспирировались перед массами, а не перед врагом. Этим и объясняется, что товарищи, которые спаслись от первого удара врага, не имели возможности скрываться, будучи совершенно изолированы

от массовиков, имеющих обширные связи. Большевицкое подполье и опыт Коминтерна нас учит, что нет лучшего спасения от врага, как находиться под защитой масс.

Деконспирации содействовало также и то, что люди действовали по-старому, без учета особенностей подполья. Создание военного совета, в состав которого вошло недопустимо большое количество людей, соби́рание всех этих людей вместе, вплоть до установления дежурств – все это было явным пренебрежением элементарнейшими принципами конспирации...» [1].

Итак, что мы можем почерпнуть из приведенного фрагмента документа? Первое и, пожалуй, самое главное, что документ был вызван к жизни конкретными историческими событиями, а именно весенним разгромом подполья. Причем, не Минского горкома, а только лишь Военного совета, руководство которого своим «пренебрежением элементарнейшими правилами конспирации» привело к массовым арестам патриотов. В приложении № 1 перечислены провокаторы, надо понимать, приведшие своим предательством к разгрому подполья. Это – Рогов, Белов, Сергей и Тоня. Псевдонимом «Сергей» пользовался заместитель Рогова Антохин. У него были документы на имя Сергея Ивановича Соколова. Кто такая Тоня – остается лишь гадать. Возможно, речь идет о машинистке Валентине Винник.

Исходя из формальной логики, в приложении № 1 следовало бы проанализировать причины провала минского подполья в целом, а не его части. Массовые аресты начались в марте и закончились в мае казнью руководителей и активистов подполья. Как такового временного разрыва между арестами членов ВСПД и горкома не было, как и не было времени для анализа причин провала одного лишь Военного совета. Но оно появилось с мая по август, когда подпольщики смогли восстановить свои ряды, в том числе горком, и вернуться к работе. На мой взгляд, в этот период написание подобных документов выглядело бы логичным, но тогда следовало бы, повторюсь, говорить о причинах, приведших к провалу всего подполья, а не только Военного совета.

Обратимся к проекту «Организационные принципы и структура подпольной парторганизации». Документ начинается с раздела «Общие замечания». В пункте 1 читаем:

«Шестимесячный опыт работы подпольной организации КП(б)Б показал, что территориальный принцип построения первичных парторганизаций (т.н. «десятки») не дает возможности охвата влиянием партии основных кадров рабочих и трудовой интеллигенции, готовых к борьбе с немецкими оккупантами. Прежняя структура не дала возможности связаться с основными, с точки зрения наших военных задач, предприятиями города. Случайные встречи или знакомства определили того или иного товарища к подпольной организации. Прежняя оргструктура не дала возможности локализовать следствие провала, что свидетельствует о ее непригодности с точки зрения основных требований конспирации.

Единственно верным оргпринципом, проверенным на опыте основных подпольных секций Коминтерна, является производственно-территориальный» [1].

Отметим отсутствие эмоциональности и личностных признаков на фоне краткости и строгости изложения. При этом документ в целом имеет характер констатации и общих указаний, присущих официально-деловой переписке.

Кто из руководителей подполья, уцелевших после разгрома, имел навыки написания подобных документов, использования клише типа «определили принадлежность», «возможности локализовать», «свидетельствует о ее непригодности с точки зрения основных требований конспирации», «руководит работой по вербовке, сбору оружия, помощи и разведывательно-оперативными действиями для партизанского движения» и т.д.? По-моему, никто. Их довоенный опыт работы заставляет усомниться в том, что им приходилось писать в таком стиле. И.К. Ковалев был третьим секретарем (по кадрам) Заславского райкома партии, если называть вещи своими именами, малозначимого партийного подразделения, где на первом месте стояли отчеты о надоях и подготовке к посевной. Остальные: Никифоров, А.Л. Котиков, К.Д. Григорьев (фактически дезертировал, уклонившись от дальнейшей работы в горкоме), К.И. Хмелевский и другие, тем более, не могли написать о т.н. «десятках», не могли критиковать территориальный принцип построения первичных парторганизаций, противопоставляя ему производственно-территориальный, не могли ссылаться на опыт подпольной ра-

боты Коминтерна, о чем не имели никакого представления.

Обратимся к фрагменту приложения № 1, в котором речь идет о причинах провала подполья: «То, что существовало до провала, не может быть иначе характеризовано как случайный **подбор людей в результате личного знакомства того или иного активиста** (выделено мною. – *Авт.*). Люди были взяты вне среды их действия – отсюда и такое явление, как **отсутствие парторганизации в важнейших, с точки зрения военного значения, предприятиях и учреждениях**. Люди были оторваны от массовой среды, что делало их больше похожими на заговорщиков, чем на пролетарских революционеров-большевиков».

После прочтения подобного возникает обоснованное сомнение в том, что к авторству имеют отношение вышеперечисленные товарищи и вообще минские подпольщики. Потому что именно так и формировалось в 1941–1942 годах минское подполье – исключительно по принципу личного знакомства и поручительства. А как по-другому в тех условиях оно могло создаваться? Получается, что авторы документа критиковали сами себя, а потом, проигнорировав собственные же выводы, продолжили практику подбора в подполье на тех же основаниях. Как бы, например, в составе Минского горкома мог оказаться Г.М. Семенов, офицер-политработник, не поручись за него И.П. Казинец. А за Казинца, в свою очередь, замолвили слово Григорьев и Никифоров, потому что для Минска Казинец был чужаком. Личность Ковалева также подтвердили другие подпольщики. По такому же принципу формировался Военный совет и другие подпольные группы.

С учетом изложенного логично предположить, что, во-первых, составители проекта и приложений не имели отношения к минскому подполью; во-вторых, они располагали определенной информацией о событиях, происходящих в указанный период в подполье; в-третьих, эти документы были написаны в период с 1944 по 1948 год. Не позднее. Так как уже в 1948 году в документах МГБ БССР именно этими причинами и почти этими же словами объяснен провал подполья весной 1942-го.

Кто мог быть автором? Для поиска используем следующие критерии: 1) владение официально-деловой стилистикой, исполь-

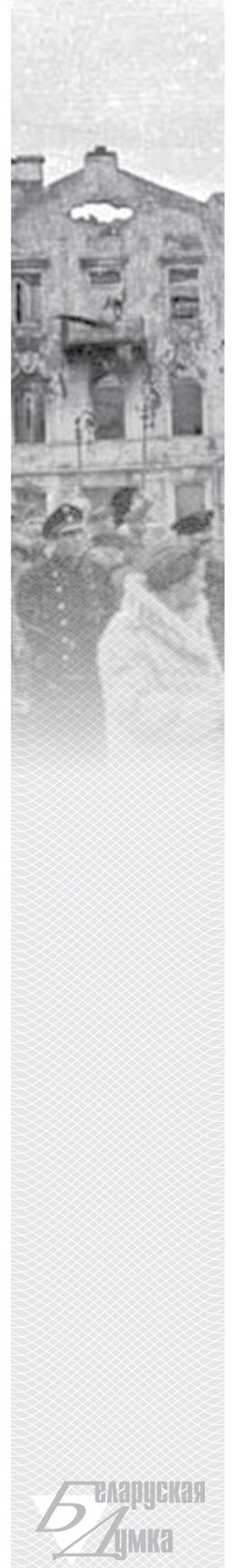
зование специфических клише; 2) отсутствие сопереживания и эмоциональности; 3) доступ к воспоминаниям подпольщиков и материалам их допросов.

Исходя из изложенного, авторов логично искать среди сотрудников аппарата ЦК КП(б)Б или МГБ БССР. Как известно, именно Пономаренко и Цанава инициировали кампанию по дискредитации первого Минского горкома, еще в 1942-м распространив информацию о «принадлежности» горкома к числу «центров, созданных гестапо».

Вот свидетельство минского подпольщика Г.Г. Марцинковского. В августе 1944 года он, вспоминая о своем знакомстве с И.И. Роговым, подчеркивал: «Рогов намечал грандиозные планы объединить в Минске всех большевиков, все советское, что может противостоять захватчикам. У меня с первых дней с Роговым были большие противоречия, я указывал ему, что необходимо законспирировать руководителей организации; говорил, что считаю преступлением без соответствующих конспиративных приемов проводить учет большевиков и всех советских людей в Минске, указывал, что прямым нарушением конспирации является прием на квартире десятков людей, проведение собраний». Здесь личностные признаки налицо, да и эмоциональная окрашенность присутствует.

Со слов Марцинковского и чекистов выходило, что Военный совет погубила полнейшая беспечность и отсутствие какой-либо конспирации. Но далее Марцинковский противоречил сам себе: «Весной 1942 г. произошел кровавый разгром организации Военного Совета. Были повешены 100 человек и больше 200 человек расстреляны. Рогова арестовали не первым. Со слов, дело было так: арестовали парня лет 18 из их организации, который нес листовки. Парень не выдержал пыток. Ему выбили глаз, и он все рассказал – указал штаб Рогова на квартире моего тестя» [2].

Если понимать дословно, то парня арестовали случайно. И это вполне правдоподобно и подтверждается многочисленными примерами. Ведь немецкая полиция и патрули практиковали выборочные осмотры и обыски граждан. Население оккупированных территорий СССР нацисты считали унтерменшами (Untermensch – термин, применявшийся в фашистской Германии для обозначения евреев, цыган, негров, славян

и других, по мнению нацистских идеологов, расово неполноценных народов), с ними не церемонились, к любому могли применить меры физического воздействия, оружие.

Случайный арест не имеет отношения к беспечности и отсутствию конспирации. Но так ли, в самом деле, было? Арест мог только выглядеть как случайное событие, но быть спланированным актом. По моему мнению, Военный совет погубили предатели. Но не из числа руководства ВСПД, как считали Котиков, В.И. Сайчик и другие подпольщики, а вслед за ними историк В. Давыдова и писатель И. Новиков. Я имею в виду агентов Абвернебенштелле (АНСТ) «Минск», полиции безопасности и СД из числа советских военнослужащих и гражданских лиц, завербованных в свое время и ориентированных на выявление партизан. Беспечность и отсутствие конспирации, по сути, явились благоприятной средой для работы немецкой агентуры, создали условия для проникновения в подполье. Одним из немецких агентов, ставшим почти хрестоматийным в силу частого упоминания, был Борис Рудзянко. Ему удалось войти в доверие к члену Минского горкома Хмелевскому, выявить его контакты в подпольной среде. Но винить Рудзянко в разгроме Военного совета нет оснований. Документы, проливающие свет на данный вопрос, отсутствуют (либо еще не обнаружены).

Вслед за ВСПД под удар попали Минский подпольный горком и ряд участников сопротивления. В сообщении полиции безопасности и СД отмечено: «9 мая 1942 г. в городе Минске были публично казнены через повешение 28 участников партизанской организации Белоруссии. В тот же день был расстрелян еще 251 человек... В Минске была проведена кампания против группы на железной дороге, в ходе которой было арестовано 126 человек» [3, с. 230].

По словам Рудзянко, на Военный совет первым вышло СД. По документам же абвера, СД лишь разгромила совет.

Из отчета о работе Абверштелле «Остланд» за период с 1 апреля по 30 июня 1942 г. Рег. № 1910/7.42 г.:

«В городе Минске благодаря работе испытанного агента был выявлен партизанский комитет, который занимался вербовкой членов в партизаны, их оснащением и вооружением. Он был передан СД и таким образом обезврежен» [1].

Кто же был этим испытанным агентом? Есть основания предполагать, что речь идет об агенте Абвернебенштелле «Минск» Федоре Хохлове. Он же Федор Соколов, агент «Казак», Федор Казаков. Бывший сотрудник АНСТ «Минск» Ганзен упоминал его как одного из самых лучших агентов, которому доверяло руководство минского подразделения абвера. Арестованный в 1947 году управлением МГБ по Калининской области бывший абверовский агент Ленжин в числе лиц, сотрудничавших с АНСТ «Минск», упомянул Федора Соколова, бывшего лейтенанта РККА. С его слов, Федор Соколов «работал в партизанском отряде. По заданию партизан был направлен в штаб партизанского движения. Установил всех. После этого штаб был разгромлен...» [1]. Дополнительно, Хохлов был заслан в отряд С.А. Рыжака, действовавший на соседствующих территориях Ивенецкого и Дзержинского районов Барановичской и Минской областей соответственно.

Вполне возможно, что именно Хохлов сумел выкрасть списки участников подполья. Не исключено, что в этом ему помогла машинистка Военного совета В. Винник. А безалаберность по отношению к секретам и доверчивость подпольщиков лишь облегчили ему работу. Таким образом, на момент проведения немцами арестов им уже были известны не только участники подполья, но также места их проживания и явочные квартиры. За участие в операции по разгрому подполья Хохлов получил Железный крест 2-го класса.

Однако не надо думать, что минские подпольщики были доверчивыми и наивными. Горком проводил определенную работу по выявлению агентов немецких спецслужб и пособников оккупантов. С предателями поступали согласно законам военного времени. В частности, член Минского горкома Котиков сообщал, что в феврале 1942 года гестапо пыталось внедрить агента в состав Военного совета. С этой целью тот познакомился с Никифоровым («Ватик») и добивался от него знакомства с руководством Военного совета. Прежде чем познакомить его с членами комитета и совета, решили его проверить. Проверкой установили, что он связан с гестапо. Поручили «Жану» его убить. «Жан» по решению комитета ликвидировал его в районе Комаровки [1]. «Жан» (Иван Ка-

бушкин) руководил оперативной группой горкома и отвечал за ликвидацию предателей и агентов немецких спецслужб. Под его руководством и лично им было уничтожено свыше 10 человек, подозреваемых в сотрудничестве с немцами.

Кто еще, помимо агента Хохлова, участвовал в разработке Минского подполья?

Член Минского подпольного горкома Котиков во время допросов в МГБ БССР в 1946 году показал, что в октябре 1942-го он находился в тюрьме СД, где его пытались завербовать. Следователь по фамилии Лаздыш якобы рассказал ему, что Рогова предала его же машинистка, являвшаяся агентом СД.

О предательстве машинистки говорила и подпольщица Драгун: «Как мне известно со слов Антохина, машинистка «военного совета» Винник Валентина передавала в СД списки членов «военного совета», по которым органы СД в феврале – марте 1942 г. произвели массовые аресты. Были арестованы Рогов, Белов, Антохин и многие другие» [1]. Винник печатала приказы, листовки, другие документы на квартире в доме № 12 по 1-му Пугачевскому переулку, где жил начальник штаба ВСПД Белов. Следует отметить, что после войны чекисты разыскивали указанную машинистку, но нашли ее или нет – автору неизвестно.

Котиков также рассказал, как был арестован Иван Макарович. «Причиной ареста Ивана Макаровича, как было выявлено членами комитета, послужило то, что он познакомился с двумя девушками, проживавшими на улице Берсона (на правой стороне, если идти с Советской улицы) в двухэтажном деревянном доме, из которых одна была тайным агентом СД. Перед ними Иван Макарович расконспирировал себя как член Военного совета. Девушка, являвшаяся агентом СД, донесла на него в СД, после чего он у нее на квартире был арестован» [1].

Данные примеры подтверждают вывод о внедрении агентуры немецких спецслужб в ряды подполья до начала массовых арестов в марте 1942 года.

Приведем еще одно свидетельство. Из протокола допроса подпольщика В.И. Сайчика: «Со слов членов горкома «Володи» и «Ватика» мне было известно, что «Сергей» провокатор, однако с ним лично знаком не был, и он меня не знал. На одном из совеща-

◀ Плакат. 1941 год

ний горкома, где присутствовал «Сергей», «Володя» предупредил меня, чтобы я не шел туда, таким образом, мне удалось избежать знакомства с провокатором. Я тогда настаивал перед Жудро и Зайцевым, чтобы убрать «Сергея», но они со мною не согласились. Вскоре после этого Макаренко и Жудро были убиты «Сергеем», а позже был убит «Володя». О том, что в Жудро и Макаренко стреляли «Сергей» и Рогов, сообщил Жудро, который, будучи тяжело ранен, рассказал доктору Качанике (так в тексте. – Авт.), что в него стрелял «Сергей». Вскоре после этого Жудро скончался» [1].

По словам Сайчика выходит, что «Сергей» стал немецким агентом еще до марта 1942 года. Но это прямо противоречит показаниям Котикова: «В октябре 1942 г. во время обработки меня на вербовку, гестаповец Лаздыш в здании гестапо рассказывал, что в период мартовских арестов Рогов и Белов, после их ареста, содержались в одной камере. Рогов быстро без пыток дал согласие работать в пользу немецкой разведки, а Белов – под действием пыток».

Предположим, что Белова действительно завербовали до марта 1942-го, и он помог абверу или СД в разгроме подполья. Но тогда был ли смысл в его аресте?

Допустим, что его склонили к сотрудничеству после ареста, потом инсценировали

его побег с целью внедрения в партизанский отряд В.Т. Воронянского. Возможно, так и было, только Белов не стал выполнять поручение немцев, а честно признался своим товарищам. Как известно, его по прибытию в отряд «Дяди Васи» (Воронянского) партизаны расстреляли как предателя. Каким был уровень проведения дознания и следствия в партизанских отрядах, остается только догадываться.

Например, в письме Минского горкома от 11 февраля 1942 года в адрес начальника партизанского отряда Н. говорится: «... В отношении людей, которых, по Вашему мнению, следует уничтожить, сообщая следующее:

т. Геннадий, о котором Вы имеете сведения, как о человеке, который выдает себя за представителя партизанского отряда, фактически является связистом от представителя Городского партийного Комитета с ГЕТТО.

По одному из вопросов, в котором предполагается участие Геннадия, ведется следствие, и, если окажется, что он нечестно выполняет порученное ему дело – горком не только дает согласие на уничтожение, а немедленно примет решение.

В отношении Глухова – мы не имеем доводов и оснований для уничтожения» [1].

Как следует из приведенного отрывка письма, для убийства Геннадия достаточно было уличить его в нечестном выполнении дела. Речь не шла о предательстве или сотрудничестве с оккупантами. Какой смысл вкладывал в эту фразу подписант, а письмо визуировано «Победитом», неясно. Глухову в феврале 1942 года, можно сказать, повезло, в отношении его у горкома не было «ни доводов, ни оснований», но вот у начальника партизанского отряда Н. они были. К счастью, этот Н. сначала думал и советовался, прежде

чем стрелял. Глухова казнили в апреле или мае 1942 года немцы, у них уж точно были основания для расправы с патриотом.

Как исследователь выкажу свое личное отношение к показаниям Котикова и Сайчика. Их, если таковая возможность имеется, следует обязательно перепроверять. Они ведь не только друг на друга наговаривали, но и своих товарищей по борьбе бездоказательно обвиняли в работе на немцев. Потом от своих слов отказывались. Справедливости ради отмечу, что во время допросов к ним применялись меры физического воздействия, в частности, не давали спать. Котикова, например, допрашивали по ночам до тех пор, пока в его показаниях не «появились нужные признания». Сам он говорил, что его избивали. Но вот откуда у них, здесь речь не только об упомянутых подпольщиках, столько неприязни друг к другу – это тема отдельного исследования, причем не только для историков.

По мнению историка Э.Г. Иоффе, «руководители Военного совета были арестованы и купили себе жизнь ценой предательства. Теперь уже под контролем гестапо они направляли подпольщиков якобы в партизанский отряд, по дороге полиция останавливала грузовики, и их пассажиры попадали в тюрьмы и в концлагерь. В результате были арестованы и расстреляны сотни подпольщиков и разгромлены несколько партизанских отрядов». Данное утверждение не соответствует действительности и свидетельствует о слабом знании темы. Справедливости ради отметим, что этот пассаж он заимствовал у Б.В. Соколова [4, с. 94]. Но коль скоро оставил его без комментария, значит, согласен. Далее, буквально на следующей странице Иоффе вновь повторяет: «Руководители ВСПД И.И. Рогов, П.И. Антохин, попав в руки нацистов, изменили Родине и стали на путь сотрудничества с немецкими спецслужбами», словно забыв, что перед этим написал: «В марте – апреле 1942 года из-за нарушений правил конспирации в нацистских застенках оказались и погибли руководитель ВСПД И.И. Рогов, его заместитель П.И. Антохин, начальники отделов штаба П. Суrowягин, А. Чижик, Н.И. Толкачев, И.М. Вербицкий, Е.К. Горича, Н. Юшаков, Н.И. Иванов и другие» [5, с. 308–309]. Из процитированного сложно понять, кем считает этих людей сам автор.

(Окончание следует) ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.
2. Барановский, Е. ВСПД: ярлык измены / Е. Барановский, В. Горбачева, Г. Данилова [и др.] // Вечерний Минск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vminsk.by/news/30/21584/>. – Дата доступа: 04.07.2013.
3. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя, А.М. Литвин, В.И. Кузьменко [и др.]. – Минск: БЕЛТА, 2005.
4. Соколов, Б.В. Оккупация. Правда и мифы / Б.В. Соколов. – М.: АСТ-Пресс, 2002.
5. Иоффе, Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 / Э.Г. Иоффе. – Минск: Харвест, 2007.